

Павел Кренев
ДЕВЯТЫЙ

Павел Григорьевич Кренив

Девятый

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8169472

Девятый. Повесть. / Кренив П. Г. – М.: Издательский дом «», . . :

Сказочная дорога; Москва; 2013

ISBN 978-5-4329-0036-4

Аннотация

Действие повести «Девятый» разворачивается в самопровозглашенной Приднестровской Республике в начале 1990-х годов. Маленькое государство, тяготеющее к России, едва сдерживает удары реакционных сил, стремящихся подавить его право на свободу. Идет психологическая война, ведутся боевые действия, гибнут люди, работают наемники-снайперы, убивающие мирных людей. Главный герой – охотник за снайперами, офицер-чекист, направленный из России в помощь Приднестровью. Его задача – погасить царящие в республике смуту и панику, вызванные разгулом терроризма. Задачу он выполняет.

Но цена его победы непомерно велика...

Содержание

1	4
2	18
3	22
4	27
5	34
6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Павел Кренив

Девятый

1

Снайпер, стрелявший с молдавской стороны – с правого берега Днестра, – за короткий срок создал много проблем для жителей Тирасполя. За две недели он убил шесть человек. Двое из них погибли на мосту через Днестр, остальные попали под огонь в прибрежной зоне.

Начальник штаба 59-й дивизии Самохвалов и начальник Особого отдела дивизии Шрамко, куда из Москвы был прикомандирован майор Гайдамаков, уже несколько раз вызывали его к себе и торопили:

– Когда ты наконец разберешься с этим гадом? Обстановка и так сложная, а этот киллер терроризирует население...

Николай пытался что-то отвечать, да что тут скажешь – люди гибнут, а он пока ничего поделать не может. Этот снайпер, скорее всего, был «солдатом удачи», наемником. И стрелял он из классного бельгийского или итальянского «винтореза» калибра 7,65 мм.

В поединке с ним истребитель снайперов Гайдамаков едва не погиб сам.

Очень важная задача – максимально точно выявить, от-

куда ведется стрельба, чтобы потом, на огневой позиции, не рыскать глазами и прицелом по всему горизонту. Есть единственный шанс для стреляющего: поднять винтовку, прицелиться за доли секунды в заранее определенное место и один раз выстрелить (если успеешь, конечно). Других вариантов у снайпера, который охотится на таких же, как он, снайперов, не существует.

Николай внимательно осмотрел каждого погибшего. Человек, пославший пули, был великолепным стрелком. На расстоянии триста метров он попадал только в голову. По входным и выходным пулевым отверстиям Гайдамаков определил, откуда велся огонь. Таких мест оказалось три. Это были участки правого берега Днестра, разбросанные по периметру длиной около километра. Однако с довольно с большой точностью удалось определить расположение самих огневых позиций: каждая из них находилась на отрезках берега длиной около 50 метров.

Николай с двумя напарниками, проезжая на машине по левому берегу, сфотографировал эти участки метр за метром, используя хорошую японскую технику, какой пользуются вездесущие папарацци.

В лабораторных условиях кадры смонтировали воедино. Получилось изображение трех береговых участков хорошего качества. Снимки были увеличены, и началось изучение мест, где мог находиться снайпер. В принципе любое дерево, любой куст или лежащий на земле предмет могли быть его

укрытием.

Когда Николай учился снайперскому делу, в моду входили экзотические маскировочные одеяла – всякие там «Кикиморы» и «Лешие». В ткань их были вшиты химические волокна, неплохо копирующие траву, мелкий кустарник, сено и даже полевые цветочки. Если стрелок укрылся под таким одеялом, растянулся на земле, – пройдешь рядом с ним – не заметишь его, лежащего. Одно плохо: окраска земли везде разная, и если у тебя покрывало под цвет осеннего поля, то ложиться посреди летней травы – самоубийство. Поэтому Николай и не использовал этих «Кикимор» и всегда старался вписаться в местный ландшафт, тщательно изучив то место, откуда надо было стрелять.

Долго всматривался Николай в рельеф противоположного берега, отображенного на фотоснимках, долго искал лежку снайпера, которого необходимо было «погасить» в самые короткие сроки. Он никогда он не говорил: «Я убил снайпера», «Я застрелил снайпера». Нет, только «погасил». Откуда пошло это, он не знал. Может, из нежелания произносить слово «убил» по отношению к человеку. А может быть, из уважения к равному себе, человеку такого же ремесла, тоже мастеру своего дела – хитрому, искусному профессионалу. Так охотники-промысловики Севера и Сибири никогда не скажут: «Я убил медведя», не станут этим бравировать, а только тихонько промолвят: «Было дело, положил я его». Или: «Добыл зверя», но не убил.

Когда Николай изучал местность и разыскивал место огневой позиции противника, он всегда прислушивался к самому себе: а где бы я сам расположился? И это облегчало задачу, потому что все снайперы мыслят примерно одинаково.

Вот они на фотографиях – участки противоположного берега, откуда велась стрельба. Ни там ни тут ничего примечательного, везде примерно одинаковый пейзаж: невысокий отлогий берег, редкие деревья, чахлый кустарник, торчащий словно пучки волос на лысине.

Где может укрываться снайпер?

Казалось бы, все просто: спрятался за каким-нибудь объектом и, когда цель появилась, – выдвинулся, прицелился и выстрелил. Но опытные снайперы знают: так могут вести себя только школяры-первогодки. Появиться из-за укрытия снайпер может только во время боя, когда пальба со всех сторон и на тебя не обращают внимания. В условиях же охоты на людей в мирное время любому снайперу известна железная логика: как только ты создал новую выпуклость над земельным контуром – в эту выпуклость, то есть между глаз стрелка, немедленно прилетит пуля. Каждый стреляющий по противнику снайпер знает: за ним идет охота! Поэтому, если он хочет остаться в живых, он не должен торчать над землей. Надо уметь слиться с ней, с травой, кустами и деревьями, буквально быть внутри их. Во время многочасовых лежек на боевой позиции надо иметь силы и такую подготовку, чтобы не сделать ни одного неосторожного движения, чтобы

не уснуть от усталости, совладать с естественным волнением, даже предусмотреть, как ходить под себя по малой нужде неподвижно и не создавая сырости.

Николай Гайдамаков, исходя из собственного опыта и, наверно, интуиции, определил на фотографиях места, где мог прятаться «солдат удачи». В первом случае это, скорее всего, была небольшая свалка старых автомобильных шин, валявшихся бесформенной кучей на противоположном берегу. Видимо, эту свалку создал сам стрелок (стаскал в одну кучу десятков покрышек, валявшихся по разным городским канавам).

Вторая лежка могла находиться за небольшим, но довольно густым можжевельным кустом, торчащим на покатой вершинке небольшого холмика. Скрываться за такими кусточками Николай любил сам. Сзади куста наверняка короткая траншейка, вырытая саперной лопаткой, чтобы можно было незаметно подползать, а в случае необходимости – и уползать за пригорок.

Над третьей возможной стрелковой позицией Гайдамаков гадал долго, но к окончательным выводам так и не пришел. Это был почти голый кусок местности на молдавской стороне перед мостом через Днестр. В самом деле, где тут мог укрыться снайпер? Узкий сектор обстрела, территория вся хорошо просматривается. Мало кустов, почти нет деревьев, чахлая трава. На земле – кучки песка, бруски да доски, мусор, оставленный весенним половодьем. На поверхности вы-

деляется только не весть когда и кем брошенное метровое бетонное кольцо. Из таких составляют колодцы. Прятаться внутри него – бред! Только младенец там спрячется с игрушечной винтовочкой.

Но откуда-то отсюда снайпер убил двух человек. В общем, третью позицию, даже сугубо приблизительно, Николай так и не определил.

А ночью, точнее, рано утром Румын (так Николай сам для себя обозвал чужого снайпера) вновь убил человека – жителя Приднестровья. Тот вышел спозаранку погулять с собакой и домой не вернулся. Был он пенсионером, вышел в самую рань. Пенсионеры встают рано. Он лежал рядом с прибрежной дорожкой головой к воде. К губе прилипла потухшая сигарета. А рядом сидела и скулила собака – ирландский сеттер.

Начштаба дивизии Самохвалов по телефону выругал Гайдамакова самыми скверными словами. Сказал, что у него делегация от местных жителей. Люди скандалят – армия бросила гражданское население на произвол судьбы, ему звонят из штаба армии, грозят карами и т. д. Дал два дня сроку.

Даже пригрозил:

– Если не разберешься с этим ублюдком, то я с тобой самим разберусь. Ты, майор, совсем мышей ловить перестал! На хрена мне такие прикомандированные! Всю картину мне портишь! Чего молчишь?

– Не знаю, что и сказать, товарищ подполковник. Виноват.

– Два дня! – и бросил трубку.

Подполковнику надо получать очередную третью звезду, а Николай, получается, тормозит этот процесс. Что тут поделаешь? Армия она и есть армия.

Где гарантия, что Румын вновь выйдет на охоту в эти два дня? Может, с девушкой загуляет, или в запой уйдет, или в бане засидится. А может быть, как раз в эти два дня у него проснется совесть и он перестанет убивать людей?

Хотя вряд ли. У наемного снайпера тоже кто-то над душой стоит и тоже нудит: «Давай трупы, давай! Зря мы тебе, что ли, деньги такие платим?!»

В середине этого же дня Николай взял напарника – молоденького лейтенанта из дивизионной разведки Виталия Нефедова – и пошел с ним к гастроному. Там они купили четыре бутылки пива и пару рыбин копченой скумбрии. На заднем дворе прихватили три пустых деревянных ящика из-под каких-то консервов и пошли на берег Днестра, примерно туда, где недавно снайпером с противоположного берега были застрелены три человека. Напротив, на другом берегу, на пригорке, чуть виднелся можжевельниковый куст, из-за которого, скорее всего, и велась стрельба.

Логика у Гайдамакова была проще некуда: Румын должен поменять позицию. А их у него еще две: у куста и где-то рядом с мостом – в месте, пока что точно не установленном.

Выбора особого и не было. Николай решил сделать засидку здесь.

Они расставили ящики на открытом берегу, на небольшом пригорке, совсем рядом с водой. Два ящика – как стулья, один – как стол. Разлили по пластиковым стаканам пиво и долго сидели, судача о том о сем.

Николай изучал обстановку.

Вот от этого ящика, что расположен повыше, идет правильный спуск к противоположной от берега стороне. Здесь можно прорыть к ящику короткую канавку. Тут заляжет напарник и будет изображать из себя снайпера, будет приманкой.

Где же залечь ему?

Ага, вот! Метрах в тридцати на берегу стоит толстая сосна. Рядом со стволом – травка, метляк да клевер. Теперь понятно, чем маскировать себя и винтовку. Хотя Гайдамаков не любил делать позиции за деревьями, пнями и кустами. Его любимые места – почти ровные, совсем неприметные, неожиданные, где глазу зацепиться не за что.

Николай не боялся, что Румын будет стрелять по ним сейчас. «Солдат удачи» охотился только вечером, в начале сумерек, или ранним утром, когда на берегу нет посторонних людей, а есть лишь одиночные мишени.

Гайдамаков хотел сейчас лишь одного: чтобы Румын все же увидел, откуда появились ящики на противоположном берегу.

Когда они уходили, Николая озаботила еще одна мысль: лишь бы ящики кто-нибудь не стащил.

В городе на травянистом дворе он нарвал метляка и клевера, завернул их в бумагу, а дома, уже вечером, аккуратно закрепил траву и цветы на маскхалате, а вдоль ствола и цевья своей СВД примотал их простой зеленой ниткой: капроновые при луне дают легкие блески и слегка отсвечивают.

В начале ночи, когда на Днестр и его берега упала плотная темень, они с напарником Нефедовым выдвинулись к выбранной позиции. Он помог Нефедову подготовить ложную огневую точку. При почти абсолютной тишине они вырыли саперными лопатками окопчик, в котором лейтенант смог бы лежать, растянувшись во весь рост и надежно спрятавшись. Землю складывали на плащ-палатку и высыпали поодаль. У ящика в торце окопчика, лежащего вверх дном, Николай аккуратно выломал нижнюю дощечку и в проем просунул винтовку Нефедова. Снайперский прицел специально выдвинул слегка вперед, чтобы его ничего не заслоняло. Задача Нефе-

дова – лежать на дне окопчика, не высовываться и лишь по команде, держа винтовку за ремень, слегка колебать прицел, создавая блики от оптики. Со стороны – полная иллюзия, что снайпер хорошо замаскировался за ящиком и его сложно обнаружить. И в то же время опытный стрелок с того берега его разглядит сразу.

Сам Николай лег за сосной. Так же вырыл траншейку, надежно укрыл в траве свою старую верную СВД. Проверил, достаточно ли выдвинута блenda у прицела – это чтобы передняя линза не мерцала в утреннем свете. Затвор передернут еще до выхода на позицию, и патрон дослан в патронник.

Ближе к утру, когда запоют птицы, он снимет предохранитель, и этот негромкий металлический звук затеряется в шуме воды, ветра и птиц.

Каждый металлический щелчок на боевой позиции может привести к гибели: с недавнего времени снайперы, воюя друг с другом, стали применять звукоулавливатели – черные тарелки, похожие на репродукторы военных времен. Сидит ночью снайпер, готовясь к утренней охоте, и, надев наушники, изучает все звуки перед собой. Метрах в двухстах слышно, как мышка с мышкой пересвистываются в своей норке. Неосторожный металлический звук означает, что напротив засел враг и готовит винтовку к стрельбе.

Гайдамаков снабдил Нефедова переговорным устройством системы «Конверс». Очень удобная штука: легкий приемник в кармане, на ухе – наушник, у рта – маленький

микрофон. Прекрасно ловится разговор шепотом.

Залегли они, конечно же, слишком рано. Гайдамаков почти не сомневался, что Румын, если он вообще сегодня придет, появится только перед рассветом. У него все давно готово, к позиции он привык, хорошо знает местность, и он удачлив, у него нет ни одного сбоя.

А у Гайдамакова все наоборот – он здесь первый раз.

Пять часов полудремы, полубодствования. Короткие контрольные переговоры с Нефедовым, напутствия: «Не высовывайся», «Действуй только по команде».

Он лежит сзади Нефедова, чуть сбоку, в тридцати метрах. Его лежка метра на два выше лежки лейтенанта.

Вот и засерело утро. Где-то ниже по течению отдаленно, но четко завывоваривал свою длинную песню первый петух. На том берегу защebetала проснувшаяся от утренней прохлады птаха.

Долго еще стояли сумерки, и солнце пока и не думало подниматься, но на востоке со стороны темнеющего города уже выползло на белый свет и разливалось по небу, по всей его ширине, раннее утро. Над рекой поплыл белесый туман.

Противоположный берег просматривался с трудом. Можжевелового куста долго не было видно. И вот сквозь утреннюю сырость стали проглядывать его очертания.

Гайдамаков легким шепотом дал команду:

– Пошевели прицелом.

И Нефедов послушно поводил винтовку за ремень из сто-

роны в сторону.

Николай внимательно вглядывался сквозь цейссовские стекла в очертания куста. Все в нем было как и накануне: никаких признаков изменений, никаких неестественно торчащих веточек. Куст как куст!

– Замри! – приказал Николай.

Лейтенант приказ исполнил.

Никаких движений на той стороне.

Минут через десять еще команда:

– Пошевели!

Прицел Нефедова опять стал шевелиться, будто на берегу он искал цель, – типичные действия снайпера, вроде бы хорошо замаскированного, но не знающего ничего о своем объекте.

Вдруг с левой стороны куста будто бы тронулись веточки. И замерли. Потом поплыл медленно-медленно целый пучок веточек и показался маленький кружок. Прицел!

Гайдамаков мгновенно поймал прицел Румына в перекрестие своего прицела.

Но где голова, голова где? Только прицел? И тут на другой стороне кружочка поползло что-то серо-зеленое и круглое.

«Вот и голова», – подумал Николай и нажал на спусковой крючок. Все он делал автоматически: и упреждение сделал ниже (маревое реки поднимает изображение), и на два сантиметра правее линзы прицелился. И пуля его попала в переносицу Румына.

Уже нажимая на спусковой крючок, Николай отследил вспышку винтовки Румына. Тот выстрелил на сотые доли секунды раньше. И пуля его ударила прямо в линзу прицела лейтенанта Нефедова. Благо тот лежал на дне окопчика, и свинец пролетел над его телом. Румын был прекрасным стрелком. Силой удара пули винтовку лейтенанта отбросило назад.

В Тирасполе не было события, о котором не трещали бы торговки на городском рынке. Для них никаких тайн не существовало.

В этот же день специально отправленные на рынок жены офицеров принесли весть: на молдавской стороне убит какой-то снайпер, и молдавское руководство будет отправлять труп на родину, в Румынию.

Николай потом удивлялся: надо же, как он угадал его национальность!

А начштаба Самохвалов потащил Гайдамакова к командиру дивизии, и тот в присутствии своих заместителей и начальника особого отдела Шрамко объявил Николаю благодарность, обещал представить к правительственной награде и сказал: «За выполнение серии ответственных заданий».

– Наконец-то, – радовался он, – наша дивизия разобралась с еще одним опаснейшим врагом.

Лейтенант Нефедов по просьбе Николая также был поощрен.

Приднестровье – этот цветущий край – в начале 1990-х годов переживал тяжелейшие времена. Республика оказалась в эпицентре противоречий, рожденных не ею самой, а интригой истории, сгустком проблем, образовавшихся в результате развала СССР.

Всю свою историю эта земля была практически самостоятельным государственным образованием, лишь формально входившим в состав Новоруссии и Малороссии. После передела мира, вызванного Первой мировой войной, в 1918 году Румыния присоединила к себе ранее входившую в Россию Бессарабию. В 1940 году СССР вернул себе Бессарабию, часть которой стала называться Молдавией, несколько районов отошли к Украине. Приднестровье же отошло к Молдавии.

После разрушения СССР Молдавия опять стала тяготеть к Румынии. Уже в 1988 году группа молдавских националистов из числа интеллигенции создала так называемый Народный фронт, задачей которого стала румынизация народа Молдавии: запрет русского языка, переход на латинский алфавит, присоединение Молдавии к Румынии. В силу того, что население Приднестровья в основном русское, позиция Молдавии на вхождение в Румынию никак не устраивала Приднестровье. В отношениях соседей наметился раскол.

Когда на предприятиях, в учреждениях и школах стали чуть ли не силой заставлять говорить не на русском, а на молдавском, а все документы составлять на «латинице», народ Приднестровья стал выходить на улицы, назревал взрыв возмущения.

Осенью 1991 года против румынизации бастовали около двухсот предприятий, еще четыреста их активно поддерживали и заявляли о готовности открыто выступить против Молдавии. По республике покатилась волна народного протеста. На улицах начались первые открытые стычки сторонников Москвы и Румынии. В сугубо спокойном до недавних времен оазисе межнациональной и межконфессиональной дружбы создавалась обстановка ненависти.

Мир тогда разрушался по сценарию, составленному в секретных масонских лабораториях «заклятых друзей» России – США и некоторых западных стран. Главный удар наносился по СССР. Военный, экономический потенциал этой страны необходимо было сломать с одной только целью: чтобы создать управляемый со стороны Запада однополярный мир во главе с США. Для этого необходимо было разорвать по кускам СССР, растащить его по углам, создать в нем и среди его союзников обстановку неуправляемости, бардака и хаоса. Опытный рыбак знает: в грязной мутной воде рыбу ловить легче, чем в прозрачной. Такая обстановка и создавалась.

Приднестровью – этому вечнозеленому солнечно-вино-

градному краю – отводилась роль пушистой дрессированной собачки, которая должна была сидеть в молдавской конуре и, что называется, не скулить и не тявкать. Дальше – больше. В июне 1990 года Верховный совет Молдавской ССР установил новое название для Молдавии – Республика Молдова – и назвал незаконным образование Молдавской ССР в 1940 году. Приднестровье, конечно же, должно было остаться в составе новой Молдовы.

В ответ на это в сентябре Чрезвычайный съезд народных депутатов Приднестровья провозгласил создание Приднестровской Республики со столицей в Тирасполе. И пошло, и поехало. А в октябре глава правительства Молдовы Мирча Друк сформировал отряд волонтеров, раздал всем оружие и повел их на штурм приднестровского города Дубоссары. Задачей штурма было взять город и объявить его столицей Приднестровья как части

Молдавии. Жители города перегородили дорогу на мосту. Волонтеры открыли автоматный огонь по безоружной толпе. Погибли первые граждане Приднестровья, пролилась первая кровь.

27 августа 1991 года Молдова заявила о выходе из СССР, и с этого момента перешла к системным провокациям в отношении Приднестровья. Были арестованы Президент Приднестровской республики Игорь Смирнов и несколько депутатов. Всех их поместили в кишиневскую тюрьму. Начались массовые провокации в отношении руководства и жителей

республики.

Появились первые снайперы, стрелявшие в городах с чердаков, с крыш, из-за укрытий – в местах скопления людей. Люди стали бояться выходить на улицу, на работу, в магазин. Создавалась обстановка паники и хаоса.

Приднестровье ждало помощи от Москвы. Но на московском троне сидел человек, посаженный американцами, и вершил дела не в пользу России и ее интересов, а в угоду американским хозяевам.

И Приднестровье долгое время оставалось один на один со своими кровавыми проблемами.

Тираспольский рынок в период после развала Союза представлял собой форменный балаган. В шумном многоголосье, висящем над этим центральным городским районом, слышалось вавилонское разноязычие. Толпы горожан и приезжих бродили вдоль сбитых из чего попало торговых рядов, и продавцы – торгаши и торговки – на ломаном русском языке с молдавским, украинским, прибалтийским, белорусским, еврейским акцентом кричали им о несомненных прелестях и достоинствах своего товара. Здесь можно было купить все, начиная от зубочистки и кончая современной американской фугасной бомбой. Процветала почти нескрываемая торговля наркотиками и стрелковым оружием. Особенно в ходу были пистолеты ТТ и автоматы Калашникова. Это оружие растаскивалось со складов 14-й армии. Странно, если бы было по-другому: военным почти не платили жалованье, а семьям надо было на что-то жить.

Николаю Гайдамакову нравилось бывать здесь. Почти всегда, улучив свободную минуту, он шел сюда, на рынок. В этой шумной разноголосице как-то по-особому ощущался дух времени, жизненный пульс целых регионов, окружающих Приднестровье.

Люди говорили о непростой нынешней жизни, и Гайдамаков узнавал, как живется на Украине, в Прибалтике, в Мол-

дове, в разных концах самого Приднестровья. Там, где царит торговля, как правило, нет национальной вражды, там владychествуют интернационал и веселый вкус наживы и обмана.

...Глаза у подростка были вытаращены, в них сверкал ужас... Он летел среди толпы, запинаясь, натываясь на людей. Летел прямо на Гайдамакова. Рубашка на плече разодрана, в левой руке – кусок мяса с торчащей сбоку костью. Правой рукой, как мог на бегу, мальчишка расчищал себе путь в людском потоке. Сзади, метрах в сорока, бежал мужик восточного вида, полный, с кровавыми пятнами на грязном фартуке, и, размахивая мясорубочным топором, нечленораздельно, визгливо выкрикивал проклятия в адрес вооришки.

Николай резко ушел в сторону, подросток и визжащий мужик с топором пронеслись мимо.

– Его надо было остановить! Почему вы не остановили его? – женский голос прозвучал совсем рядом.

Это была торговка шерстяными изделиями. Белокурая и довольно тощая, она осуждающе, почти с возмущением, глядела на Гайдамакова.

– Эта шантрапа все время что-нибудь у нас ворует. Их надо наказывать!

Николай ничего не стал ей доказывать, что-то разьяснять: мол, пожалел оборванца, голодный ведь... Да и этот мужик

с топором... Зарубит еще...

Уже на обратном пути вспомнил: надо купить свитер из хорошей шерсти – ночью бывает прохладно, а приходится лежать на голой земле.

Вернувшись на рынок, он опять попал к той же блондинистой торговке. Невольно подумалось: вот, снова начнет выговаривать, укорять за того парнишку. Но она молчала, даже, как оказалось, слегка улыбнулась краешками губ. Помогла ему выбрать свитер.

– По-моему, – сказала она, – вам подойдут эти цвета. И протянула ему свитер бело-синих тонов. – Это толстая, но очень качественная ручная вязка. Зимой вам будет тепло.

В интонациях ее речи явно звучал прибалтийский акцент – она очень мягко произносила букву «л». А в голосе слышалась женская, именно женская, забота.

Николай, после того как два года назад от него ушла жена, совсем позабыл, что такое женская забота.

Он купил у торговки и свитер, и теплые носки и ушел к себе в офицерское общежитие в хорошем настроении.

А через два дня вернулся на рынок. Нашел нужный торговый ряд и тот прилавок.

– Здравствуйте! – обрадованно сказал Николай. – Вот я к вам и вернулся.

Она его узнала.

– И это очень хорошо, что вы ко мне решили вернуться. Я рада. – И улыбнулась настоящей улыбкой. – Мне нравится,

когда мужчина возвращается.

В конце рабочего дня Николай зашел за ней.

Потом они бродили по набережной Днестра, по тенистым аллеям прибрежного парка и долго-долго говорили. У них оказалось много общих тем.

14 марта 1992 года генерал-лейтенант Юрий Неткачев, командующий дислоцированной в Приднестровье 14-й общевойсковой армией, срочно прибыл в город Парканы, где располагался один из инженерных батальонов, входивших в состав его армии.

Перед воинской частью громыхал многотысячный митинг местных жителей, казаков, военных. Главными выступающими были глава Приднестровской республики Игорь Смирнов и председатель забастовочного комитета Галина Андреева. И они, и другие ораторы клеймили позором военное руководство 14-й армии, которое не решается передать оружие гражданам республики, оказавшимся беззащитными перед молдавской агрессией.

Генерал Неткачев тоже пытался выступить перед митингующими, призвать их к порядку, но слова ему не дали.

Галина Андреева пламенными словами призвала людей на штурм воинской части, и народ, смяв караульных и часовых, ринулся на захват складов с оружием.

В течение нескольких минут склады, оружейные комнаты и пирамиды в казармах были опустошены. Из части было вынесено 1307 автоматов и пулеметов, 255 пистолетов и полтора миллиона патронов к ним, а также множество гранатометов с гранатами, мины, взрывчатка, снаряды...

Было вынесено все и роздано затем населению, казакам, бойцам спасательных отрядов, дружинникам.

Оружие ушло в народ и вскоре начало стрелять. И уже каждую ночь на берегах Днестра и по всему Приднестровью шла пальба, прерываемая пьяными криками казаков, военных, гражданских дружинников. То были «разборки» с молдаванами, пьяные драки и просто разудалые гулянки.

Мирное население перестало прогуливаться в парках, матери не выпускали детей на улицу. Милиция в этот разгул старалась не вмешиваться.

Над республикой навис неведомый доселе тяжелый непроходящий страх.

Дело усугублялось предательством со стороны России. Возглавляемая американскими ставленниками, она демонстрировала чудеса издевательства над собственным народом.

23 марта 1992 года министр обороны России маршал авиации Шапошников подписал приказ о передаче военного имущества всех воинских частей, расположенных на правом берегу Днестра, Республике Молдова. Ей единовременно перешли в собственность тысячи единиц стрелкового и тяжелого оружия, танки, артиллерия и даже полностью укомплектованный истребительный полк, состоявший из 31 боевого самолета миг-29.

Шапошникову при этом было хорошо известно, что Молдова одной ногой тогда стояла в Румынии, а Румыния всей душой стремилась в НАТО. В состав России стремилось войти Приднестровье, но Шапошников не дал ему ничего – ни патрона.

Такие вот были командиры у страны, которой руководил «алкогольный» президент.

Приднестровье, никому не нужное, всеми брошенное,

стоящее один на один с Молдовой и Румынией, готовыми его растерзать, открыто просило поддержки и защиты у России.

Это движение всемерно и открыто поддерживал весь российский народ, но руководство страны не получило на это одобрения со стороны США. Вилля хвостом перед ними и в то же время боясь вызвать гнев собственного народа, Ельцин и его камарилья пытались строить добрые мины перед населением Приднестровья. С этой целью в республику регулярно направлялись всякого рода делегации. Приезжали туда и вице-президент Руцкой, и замминистра обороны Громов, и советник Ельцина Станкевич, и министр иностранных дел Козырев. Все они вещали перед народом красивые благоглупости, все обещали «не дать в обиду братский народ», но дело этим и заканчивалось. Никакой помощи Приднестровье не получало.

Более того, по ельцинскому настоянию 12 апреля 1992 года между Молдовой и Приднестровьем был подписан Протокол о перемирии. В соответствии с ним, например, город Бендеры снял со своей территории блокпосты, разоружил свои военные формирования, а оружие заскладировал в казармах, которые оказались под контролем наблюдателей со стороны Молдовы.

Сразу после подписания перемирия и фактического сложения оружия со стороны Приднестровья Молдова открыла на ряде важных участков артиллерийский огонь. Появились массовые жертвы среди мирных людей, поверивших в пере-

мирие.

20 мая в районе поселка Коржово в результате тяжелого артобстрела со стороны Молдовы погибли еще 10 человек.

До июня усилия молдавской стороны были направлены на овладение городом Дубоссары. По этому городу, по его защитникам велся каждодневный артиллерийский огонь.

7 июня Молдова обстреляла плотину Дубоссарской ГЭС. Был разбит трансформатор, и 30 тонн масла вылилось в Днестр.

После подхода к Дубоссарам броневых частей 14-й армии обстановка изменилась. Молдаване решили захватить населенные пункты Бендеры, Копанка и Варница, расположенные на правом берегу Днестра, чтобы выровнять фронт, вернуться к границам 1940 года и с этими границами войти в состав Румынии.

19 июня молдавская армия пошла в наступление. По всему фронту заработали артиллерия, установки «Град», минометные батареи.

В наступление со стороны Молдовы двинулось около 8 тысяч человек. Начались масштабные боестолкновения, уличные бои.

Молдаване наступали активно и решительно, а приднестровцы не имели достаточно сил, чтобы противостоять надвигающейся громаде. 14-я армия в ситуацию не вмешивалась.

Командующий армией генерал Неткачев придерживался

проверенного армейского принципа – «не высовывайся – и не убьют». И армия сидела в своих казармах. Солдаты мирно спали под грохот молдавской канонады и разрывы снарядов, убивавших мирных жителей и воинов Приднестровья.

В ту пору в Приднестровье находился прибывший из Москвы депутат Верховного Совета генерал-полковник Макашов, до недавнего времени – командующий Уральским военным округом.

Он вместе с Галиной Андреевой и возглавляемой ею огромной толпой женщин деморализовал расквартированную в Тирасполе воинскую часть 14-й армии, и по их указанию офицеры и солдаты этой воинской части выгнали из техпарка и повели в бой на молдаван 10 боевых танков и 4 бронетранспортера.

Эта техника помогла выиграть первые бои. Вечером того же дня удалось выбить противника из Бендер и захватить город.

Молдаване впервые понесли тяжелые потери в технике и живой силе.

Но войны это не остановило. Стрельба из всех видов оружия, как неизбывный кошмар, гремела по всему Приднестровью.

Снайпер шел к своей огневой позиции, к своей засидке. Шел он уверенно, спокойно, мурлыча глупую песенку. Ничем он не отличался от остального населения: обычная, не праздничная и не грязная, одежда, через плечо – легкая сумочка, в глазах – ни тревоги, ни суеты.

Случись сейчас на улице драка, или скандал, или несчастье у кого-нибудь – он бы прошел мимо. Снайперу, работающему днем, нельзя ни во что вступать, нельзя мелькать и хоть чем-то запоминаться в глазах прохожих. Потом его никто не должен вспомнить. Прошел – и исчез, нет его и не было.

Перед тем, как зайти в подъезд дома, снайпер вышел на площадь, сбоку которой и стоял дом. Так вот снайперы и выискивают места для стрельбы – они выходят в город, в места скопления людей, и прямо из людской гущи вглядываются в окружающие дома, в крыши, в чердачные окна и продушины, форточки голубятни... Смотрят, откуда можно неожиданно и незаметно выстрелить, а потом также незаметно скрыться.

Он здесь еще не работал, поэтому не надо опасаться встречного огня из дома, что напротив его засидки. Здесь все спокойно. Только откуда-то из-за города доносятся глухие удары артиллерийских взрывов, а в самом городе то

ближе, то дальше хлестким барабанным боем трещат автоматные очереди, щелкают отдельные винтовочные выстрелы. Это идут уличные перестрелки с молдавскими боевиками и провокаторами из местного населения.

На площади в клумбах растут цветы, вдоль двух аллей шелестят листвой каштаны. Народу совсем мало: бабушка медленно бредет с коляской – выгуливает подрастающее поколение; снуют редкие прохожие, около проезжей части солдатик стоит у служебного уазика и, склонившись над мотором, что-то в нем ковыряет.

«Вот и мишень», – подумал снайпер и пошел к своей засидке.

Этот снайпер работает в Тирасполе уже несколько месяцев, с самого начала всей этой заварухи, и неплохо знает город. Ему даже нравится этот, покрытый деревьями и садами, вишнево-каштановый, сиренево-грушевый душистый город с его мирным, добродушным, совсем не предрасположенным к войне населением.

Снайпер и сам бы хотел когда-нибудь пожить в таком уютном южном винном городе среди неагрессивных людей, напоминающих добрых персонажей глуповатых детских сказок. Но это когда-нибудь потом.

А сейчас у него совсем другая работа.

Снайпер любил многоподъездные дома. И всегда работал там, где подъездов не меньше трех. В крайнем случае – не меньше двух. В один заходишь и стреляешь, в другой – ухо-

дишь. Нельзя заходить в подъезд и уходить из него же: очень высока вероятность, что на входе или на выходе запомнят, и потом приметы разойдутся по всем отделениям милиции.

Кроме того, окно, из которого стреляет снайпер, почти всегда засекается кем-то из прохожих. Потом, естественно, весь подъезд будет поквартирно опрошен: может быть, кто-нибудь что-нибудь заметил и запомнил.

Он сначала зашел в подъезд, из которого потом собирался уходить, поднялся на последний этаж, проверил, не повесил ли кто замок на чердачный люк. Нет, все было нормально.

«Обыкновенный советский бардак, – подумал снайпер, – но это и хорошо. Это облегчает мою жизнь».

Он спустился вниз, прошел вдоль дома два лестничных входа и поднялся наверх.

В Тирасполе еще не изжила себя привычка послевоенных советских городов – держать голубей. И они живут на многих чердаках. Для него это было всегда большой проблемой. Во-первых, от них на чердаке всегда ужасно грязно, всегда измажешься в свежем помете; во-вторых, за голубями, как правило, присматривает какой-нибудь сердобольный чудак. Он может неожиданно нагрянуть. Его придется застрелить, а это уж совсем лишние хлопоты. В-третьих, когда ведется прицельный огонь, голуби боятся хлопков выстрелов и создают страшную суматоху. Сразу видно, где, в каком месте работает снайпер.

На этом чердаке голубей не было.

Снайпер пошел в торцевую часть чердака. Там, в углу, он отодвинул от стены пару старых пыльных горбылей, отогнул край примыкающего к стене рубероида и достал спрятанную позавчера ночью винтовку.

С винтовки и прицела он снял мягкой тряпочкой пыль. «Ну, славный мой “Сваровский”, поработай!»

Он отогнул ржавые гвозди на чердачной раме, вынул стекло и в образовавшийся проем просунул винтовку. Вгляделся в прицел, ища цель.

Он решил для себя, что убьет сегодня трех человек – вполне хватит, чтобы неплохо заработать, поддержать свою репутацию у румынского вербовщика стрелков и создать шум в городе, возбудить панику, чтобы народ свободно не разгуливал по бульвару.

«Война ведь, чего они разгулялись?!.. Ну где же вы, мишени? Вот он, солдатик... Все ковыряется в своей нескладухе. Сейчас, подожди немножко, – и отдохнешь. Бабушка гуляет... А может, того, кто в коляске? Почему бы и нет? Бабушка уже отжила свое... Вот цель! Вот она – парочка милуется на скамеечке. Как ты к нему прижалась, девочка... Долюбите друг друга на том свете...»

Солдатик сначала уткнулся простреленной головой в мотор, потом медленно сполз на асфальт.

Когда молодой человек дернулся и вскрикнул, девушка не сразу поняла, что произошло, и нежно погладила то место на его груди, откуда вдруг потекла красная жидкость. Она подняла руку к лицу, закричала, – и ей в голову ударила пуля.

Она ткнулась лицом в грудь парня, откуда хлестала кровь. «Хорошая работа», – подумал снайпер и спокойно пошел на выход.

А бабушка, проходя мимо влюбленной парочки, отвернулась: ей не хотелось нарушать покой влюбленных. Она ведь и сама была когда-то молодой.

23 июня 1992 года в штаб 14-й армии, находящийся в городе Тирасполе, вошел батальон десантников, прибывший с аэродрома Чкаловский, что под Москвой, и рассредоточился по всему зданию. Десантники оттеснили часовых на входе и сами стали контролировать вход и выход военных. Вся операция очень напоминала военный захват штаба армии боевой десантной группой.

В 14 часов того же дня в кабинете командующего был собран весь руководящий состав армии: заместители командующего, начальники родов войск, служб, самостоятельных управлений и отделов.

Вдоль стен через 2–3 метра стояли десантники в голубых беретах и с оружием. Собравшиеся офицеры и генералы смотрели на все это с тревогой и удивлением.

Все сидели, а по большому кабинету вышагивал высокий полковник в полевой десантной форме и выкуривал сигарету за сигаретой, нещадно дымя во все стороны.

В кабинете командующего курить категорически запрещалось – Неткачев не любил табачного дыма.

Сейчас он сидел в своем кресле бледный, потухший и с трудом скрывал, как ему все это не нравится.

В зале висело молчание и ожидание неизвестно чего.

– Здесь есть какая-нибудь пепельница? Неудобно ведь пе-

пел на пол стряхивать. Мы же культурные люди, – сказал вдруг полковник раздраженно.

Сказал спокойно, но таким неожиданно густым басом, будто над притихшей землей прогремел раскатистый гром.

Командующий армией вскочил и побежал в комнату отдыха искать пепельницу. Не нашел, но вернулся не с пустыми руками. Принес баночку от майонеза и вручил ее полковнику.

Как будто сообразив, что ему разрешили говорить, Неткачев выпрямился, вытянул руки по швам и представил полковника.

– Полковник Гусев из Министерства обороны. Командирован сюда, чтобы разобраться с обстановкой и доложить ее президенту страны Борису Николаевичу Ельцину.

Собравшиеся стали переглядываться: чего это генерал, командующий армией, так расшаркивается перед каким-то полковником? Но шила в мешке не утаишь – кто-то что-то слышал, кто-то что-то вспомнил, а кто-то уже с ним встречался на военных перекрестках...

По рядам прошел шепот:

– Это генерал Лебедь, а никакой не полковник Гусев, заместитель командующего ВДВ, специалист по «горячим» точкам.

И многие заулыбались: «А-а, теперь маскарад понятен... Смена приехала...»

Разговор был неличеприятным, жестким.

Лебедь говорил характерным громовым басом, очень спокойно и четко. Фразы формулировал по-военному лаконично, очень доступно, предельно ясно выражал смысл того, что хотел донести до собравшихся. Будто читал наизусть текст Боевого устава.

– Ставлю задачи, согласованные с Президентом Российской Федерации, – говорил он, сидя в торце стола рядом с командармом Неткачевым.

Голос его гремел по всему кабинету и громовыми раскатами гулял под потолком. Многие офицеры сидели съежившись. Гром этот был непривычен в обычно тихом кабинете Неткачева.

Были сформулированы пять задач, направленных на остановку кровопролития, эвакуацию семей военнослужащих, обеспечение контроля за сохранностью складов с оружием и т. д.

Уже в конце совещания голос «полковника» еще более посуровел.

– Почему практически на территории расположения армии беспрепятственно действуют провокаторы-снайперы? Буквально вчера накануне моего приезда прямо в центре города снайперами убиты три человека. Один из них – наш военнослужащий. Это что, меня так встречают? В качестве издевки? Или всегда у вас тут прямо под носом такая бойня процветает? Кто комендант? Доложить обстановку.

В углу кабинета с места вскочил и сразу же вспотел комендант города Тирасполя полковник Борман. Невысокого роста, лысый, с круглым красным лицом, он очень перетрусил, не выдержал важности момента и начал что-то говорить путанно и неконкретно.

– Мы принимаем меры, товарищ, э-э-э... генерал, извиняюсь полковник. Товарищ полковник, мы наведем порядок в ближайшее время, обязательно это сделаем, товарищ полковник.

«Гусев» поглядел на него с усмешкой:

– Да уж сделайте, сделайте. Эти снайперы сеют панику среди населения. Недалеко до социального взрыва. Люди видят, что мы элементарный вопрос решить не можем – обеспечить мало-мальскую безопасность.

«Гусев» раскурил очередную сигарету, выдохнул огромное облако дыма и отдал приказ:

– Даю вам, полковник, две недели на организацию борьбы со снайперами и на кардинальное решение этого вопроса. – Он помолчал и сурово добавил: – Предлагаю решить этот вопрос надлежащим образом, если дороги вам ваши полковничьи погоны. Садитесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.